

ЛИДОЛИЯ НИКИТИНА: «МИНИАТЮРЫ МЕНЯ ВЫБРАЛИ САМИ...»

интервью

– Лидолия Константиновна, во-первых, от себя как от собрата по перу, а также от редколлегий журнала «Симбирскъ» поздравляю вас с выходом новой книги «Спелых яблок дождь золотой» и, не спрашивая возраста, – с грядущим юбилеем!

– Мне очень приятно, что такой уважаемый журнал обратил внимание на меня и моё творчество. Спасибо!

А возраст... Я сейчас перешла такую грань, когда своим возрастом надо гордиться. Гордиться в том плане, что – спасибо Господу, что ты дал мне дожить до 75 лет, а самое главное – не лишил способности писать, быть кому-то полезной и интересной!

– Я знаю, что Вы родились в Ташкенте, но ваш род своими корнями уходит в Поволжье. А как ваши родители оказались в Узбекистане?

– Моя бабушка (мамина мама) родилась в 1899-м в Саратове. Она родом из поволжских немцев, из очень бедной семьи, в которой было шестеро детей. Её отец работал сцепщиком на железной дороге, мать – прачкой. Когда бабушке было всего два года, случилась трагедия. Отец на глазах у саратовского губернатора Вакулова и его жены

попал под паровоз и погиб.

На губернаторскую чету это произвело очень сильное впечатление. Узнав, что сиротами остались шесть малолетних детей, они удочерили самого младшего ребёнка – мою бабушку... Но она об этом не знала, её воспитывали как родную. Поэтому моя бабушка была очень образованной женщиной, имела хорошие светские манеры, знала несколько языков, закончила Бестужевские женские курсы в Казани.

И здесь встретила дедушку – выпускника юридического факультета Казанского императорского университета. Он происходил из знатной семьи, его отец был потомственным дворянином, царским генералом медицинской службы. В Казани бабушка с дедушкой и поженились. Бабушке в тот момент было всего 16 лет...

После университета дедушку направили служить мировым судьей ко двору эмира в Бухару. Моя мама родилась в апреле 1917-го в городке Ура-Тюбе, но прожила всего 36 лет. Она была художницей, обожала японское искусство, старинные ткани. А сама разрабатывала рисунки для продукции Ташкентского текстильного комбината.

А мой папа был из семьи зажиточных крестьян, из-под

Лидолия Никитина

городка Старая Русса. У них имелось большое хозяйство: несколько гектаров земли с десятком коров, свой кондитерский магазинчик. Но земледелие отца не прельщало, его с детства манили звёзды, он стал астрономом. Почти всю жизнь проработал в Душанбе в астрономической обсерватории, расположенной высоко в горах – на Памире, открыл даже пять комет, одной из которых дал свою фамилию!

Родители познакомились и поженились в Ташкенте. Там я родилась 23 сентября 1941 года, а уже через три дня папу забрали на фронт. Перед отправкой в часть он прямо с рюкзаком пришёл под окна роддома попрощаться. Мама передала ему записку, в которой написала: «Родила дочь-японку. Глаза как у красавиц Утамаро». И вот с этой запиской отец воевал на семи фронтах, прошел всю войну, закончив её... в Японии! А меня так и называли все детство японкой.

– Как жилось вашей семье во время войны? Сохранились ли какие-то впечатления о детстве, проведенном в Ташкенте?

– Жилось очень трудно. Вскоре после начала войны из-за голода мама заболела авитаминозом (пилагрой) и слегла на несколько месяцев в постель, а воспитывала меня бабушка... Я очень хорошо помню: ночь, холод, мы с бабушкой стоим в бесконечной очереди, чтобы отovarить хлебные карточки. Мне – малышке на ладони писали цифры – порядковый номер, под которым мы с бабушкой стояли в огромной толпе. Однажды карточки у нас украли, и мама из-за этой беды чуть было не бросилась под поезд...

Всё время хотелось есть. Однажды ночью я захныкала и стала просить хлеб. Бабушка мудро ответила, что ночью не едят, а спят! Белый хлеб и мясо до окончания войны я даже не знала на вкус...

Мама хотела назвать меня Лидией в честь своей мамы, если родится девочка. Ну, а если мальчик – в честь брата – Олегом, от которого не было никаких известий. Он воевал в Бресте, городе, который первым принял подлый фашистский удар. Тогда-то мама и придумала: «Давайте вставим в «Лидию» кусочек от «Олега». Если дочь выживет и переживет войну, то и Олег живым вернется с фронта! Свою дочь и своего брата я связываю воедино!». Так и родилось имя Лидолия. Я выжила, а дядя-танкист израненный, но живой дошел до Берлина, женился, вырастил двух детей, но не дожил и до 60 лет.

– Я очень люблю древнюю и мудрую игру «Шахматы», когда-то сам играл на уровне первого разряда. Говорю об этом потому, что первые творческие достижения у вас были именно в шахматах. Поведайте немного об этой стороне вашей биографии.

– Военное детство запомнилось ещё тем, что у меня не было никаких игрушек. Их заменили мне шахматные фигурки. Сначала строила «огород», играла с ними, как с куклами... Моя мама была шахматист-

кой, имела третий спортивный разряд. Она научила меня играть в шахматы. У нас были шахматные книги с портретами великих шахматистов, мы с мамой разбирали их партии. В результате я стала обыгрывать её и, вообще, всех на улице – и детей, и взрослых. Но однажды, наверное, чтобы я сильно не зазнавалась, мама отвезла меня к бабушке. И тот, что называется, «без вариантов» меня оставил. Проигрыш стал для меня настоящей трагедией. Я ревела почти сутки и... бросила шахматы, хотя могла часами наблюдать за шахматистами, подсказывать, разбирать только что сыгранную партию, но сама за шахматную доску садиться категорически отказывалась.

Встреча с читателями. Автограф.

Как-то под Новый год пришла с одноклассниками на ёлку в ташкентский Дворец пионеров, а там чемпионка мира по шахматам среди женщин Елизавета Быкова давала сеанс одновременной игры. Я похвасталась перед одноклассниками, что тоже умею играть в шахматы. Они не поверили, ведь я не играла целых пять лет! А мне, как будто возжа под хвост попала: «Ах, так!»... Нашла тренера из шахматной секции Дворца пионеров и сказала ему, что я дочь Галины Владимировой, которую он в молодости тренировал, этим и убедил его посадить меня за доску против Быковой. В

этом сеансе одновременной игры на многих досках я стала единственной, кто выиграл у чемпионки мира!

Елизавета Быкова подарила по окончании сеанса мне свою шахматную книгу с автографом: «Лидочке Никитиной за победу в сеансе одновременной игры на 25 досках». С этого времени я стали серьёзно заниматься шахматами, а наша дружба с Елизаветой Ивановной продолжалась до самой её смерти. В Москве Елизавета Ивановна всегда приходила на мои соревнования и смотрела, как я играю, давала советы, дарила дефицитные книги по шахматной игре. В моем фотоархиве есть два уникальных снимка, где мы с ней сняты вместе.

Я много участвовала в республиканских и все-союзных шахматных соревнованиях, была четырёхкратной чемпионкой Узбекистана среди девушек. Играла на спартакиаде народов СССР в 1959 году.

Шахматы развивают память, учат логически мыслить, выделять главное, дисциплинируют, требуют умения самостоятельно ставить задачи и их решать, стимулируют развитие фантазии... Во многом благодаря шахматам я и поступила на филфак Ташкентского университета.

Ещё в школе, участвуя в соревнованиях, я обзавелась множеством друзей-шахматистов по всей стране. Молдавия, Эстония, Литва, Грузия... В юности всё интересно, случалось немало своеобразных эпистолярных романов, учиться было некогда, по 5 – 6 писем приходило в день! И я добросовестно на них отвечала. И тогда заметила, что, если в письмах я начинала фантазировать, они у меня получались интересные, ответы на них приходили мгновенно. Наверное,

именно тогда еще неосознанно мной были сделаны первые шаги к литературному творчеству.

Но приобщение к литературе невозможно без любви к книге, к чтению...

Бабушка научила меня читать очень рано. В школе я зачитывалась Александром Пушкиным, сказками братьев Grimm, Аркадием Гайдаром, Константином Симоновым, Михаилом Пришвиным... Но, взрослея, поняла, что притяжение магнитного поля литературы для меня к двадцати годам стало намного привлекательнее шахматного.

Однажды один молодой человек подарил мне пластмассовую коробочку с духами «Снежинка». И на меня этот подарок произвел потрясающее впечатление! И той же ночью – бабушка не разрешила включать свет – я открыла в темноте какую-то книгу и на ее обложке что-то написала. Спустя некоторое время нашла эту книгу под кроватью, прочитала каракули:

к моему удивлению они оказались совершенно готовой миниатюрой, которую я назвала «Снежинка». Вскоре эта вещица была опубликована в газете Ташкентского политехнического института «За индустриальные кадры». Именно там появилась эта первая моя публикация.

Написав с десяток миниатюр, почувствовала огромное желание поговорить о своих литературных опытах с человеком, знающим толк в литературе. И такой человек нашёлся. Им стала Татьяна Сергеевна Есенина! Татьяна Сергеевна дружила с моей мамой и тоже была очень хорошей шахматисткой.

– Дочь знаменитого поэта Сергея Есенина!? А как она-то попала в Ташкент?

Татьяна Сергеевна очень тяжело переживала трагическую гибель отца. А когда за смертью ее отчима Мейерхольда последовала зверская расправа над её матерью, актрисой Зинаидой Райх, они вместе со старшим братом Константином сбежали из Москвы к каким-то дальним ташкентским родственникам, подальше от эпицентра трагедии... Татьяна Сергеевна была очень похожа на отца по «масти» – с такими же легкими светлыми выующимися волосами. А её сын Сергей, вообще, – вылитая копия Сергея Есенина. Но его судьба не сложилась и к середине 90-х годов он стал бомжом, кочующим по московским подвалам... Но друзья Татьяны Сергеевны и многие люди, любившие творчество великого поэта, в конце концов, помогли его внуку получить квартиру в столице.

Татьяна Есенина в период моей дружбы с ней работала в республиканской газете «Правда востока» в строительном отделе. Я думала, что умру от волнения, когда читала ей в рабочем кабинете свои первые творения, сердце выпрыгивало из груди... Татьяна Сергеевна – очень деликатная женщина, не сказала мне ни единого слова критики, только спросила: «Лидолия, ты читала «Матрёнин двор» Солженицына? А «Один

день Ивана Денисовича?» – так у меня в записной книжке появились номера «Нового мира», написанные её рукой..

Татьяна Сергеевна предложила поработать внештатным сотрудником её отдела и сказала, что если я научусь писать хорошие статьи, то лишь тогда смогу стать хорошим писателем.

«А если будешь сидеть, что-то выдумывать и высасывать из пальца сюжеты, – подчеркнула она, – ты никогда не станешь настоящим писателем. Нужно изучать жизнь, производство, мучиться, бывать среди людей...».

– Получается прямо по Александру Куприну, который обращаясь к молодым литераторам, писал: «А главное – работай, живя. Ты – репортёр жизни. Иди в похоронное бюро, поступи факельщиком, переживи с рыбаками шторм на оторвавшейся льдине, суйся решительно всюду, броди, побывай рыбой, женщиной, роди, если можешь, влезь в самую гущу жизни...».

– Совершенно верно. Может быть, вот этого самоотверженного стремления, знания жизни и не хватает сегодня молодым не только прозаикам, но и поэтам. Сама жизнь, а не высосанные из пальца фантазии, делает сочинителя настоящим писателем!

Но сначала мне было совсем не до творчества, после института пришлось пойти работать в детский сад. У меня был маленький ребёнок, а я развелась с мужем. Умерла бабушка, так что я осталась совсем одна... Спустя год меня пригласили в многотиражку Ташкентского текстильного комбината. В ней вскоре была напечатана первая большая публикация моих миниатюр.

А многотиражка та называлась «Голос текстильщика». По просьбе руководства лет через пять я создала музей истории текстильного комбината, стала его директором. Потом к 50-летию предприятия на основе исторических документов написала книгу о комбинате «Здесь наша судьба». В общей сложности на этом флагмане текстильной промышленности Узбекистана я проработала 10 лет.

Потом меня пригласили на Узбекское республиканское радио. Начинала с «Пионерской зорьки» и «дослужилась» до должности старшего редактора детско-юношеских передач.

В редакции сложилась прекрасная творческая атмосфера, каждый что-то творил... Здесь я познакомилась с постоянным автором «Детского поэтического альбома» писателем и поэтом Николаем Бондаренко. Он помог мне выпустить первую книгу: «Два шага, чтобы встретиться».

– Лидолия Константиновна, в 1982 году вас приняли в члены Союза писателей СССР. Просветите молодёжь, как в те времена жили писатели?

– Писатели в СССР относились к категории очень уважаемых людей. В Союз писателей попасть было очень трудно. Отбор был чрезвычайно жёсткий. Преимущество при приёме отдавалось членам КПСС.

За издание книги писатели получали вполне приличный гонорар. Например, за одну из своих первых книг «Зеленые яблоки», при месячной зарплате в 120 рублей, я получила 3,5 тысячи. Гонорар платили за все публикации в любых газетах и журналах. Плюс к этому через Бюро пропаганды члены Союза писателей получали оплату за каждое свое выступление, будь оно в школе или в солдатской казарме.

Писателям в первую очередь предоставляли квартиры с дополнительной жилой площадью, отправляли в творческие командировки. Я по такой творческой командировке ездила в Красноярск, где познакомилась с Виктором Астафьевым. Уже по возвращению в Ташкент он мне прислал свою только что вышедшую книгу «Всеми своим часам» с автографом. Путешествовала и по Золотому кольцу... Через Литературный фонд оплачивали больничный лист, ежегодно за 30-процентную стоимость выделяли путёвки в лучшие курорты и в санатории страны. Под Москвой, в Переделкино, существовал Дом творчества писателей. В него съезжались не только молодые, но и знаменитые писатели, завязывались творческие контакты, появлялись друзья, что способствовало активной творческой деятельности каждого.

– Вы – известный писатель, у вас престижная работа. Поясните, как и почему вы оказались в Ульяновске?

– Вы знаете, я была хорошим журналистом, получала почётные грамоты и личные благодарности от председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию СССР Сергея Георгиевича Лапина, меня постоянно поощряли различными путёвками. Я дважды плавала по Волге по туристическому маршруту «Москва-Астрахань-Москва». Во время больших остановок бывала в Ульяновске, с благоговением знакомилась с ленинскими местами, музеями.

Как-то присела на скамейку в замечательном парке на Венце, напротив филармонии... В Ташкенте – за плюс 40, а здесь тень, траву скосили, фонтан, прохладой дышит великолепная Волга. Я подумала:

«Боже мой! Какой прекрасный город! Как я хочу в нём жить!»

Эти слова, вернувшись в каюту, записала в дневник, а через 10 лет они оказались пророческими!

Большие подборки моих миниатюр три раза в 1982 году и позже были напечатаны в журнале «Советская женщина», который тогда выходил на 17 языках мира. Для того времени многократная публикация миниатюр незнакомой писательницы из Узбекистана был немалым, который, конечно же, не остался читателями незамеченным.

Вот и жена тогдашнего первого секретаря Ульяновского обкома КПСС Геннадия Колбина, любившая «Советскую женщину», обратила внимание на оригинальную публикацию. Она-то между делом сказала кому-то из обкома: «Интересный жанр, я ничего подобного прежде не читала! Вот бы к нам в область её пригласить». Местные чиновники тут же нашли мой адрес и прислали официальное письмо: «Приглашаем Вас на родину Ленина для усиления писательской организации». Пообещали квартиру в центре города, достойную работу, публикацию книг...

– Видимо, Геннадий Васильевич прекрасно понимал, что культурный город – это не только музеи, театры, кино, кафе и книжные магазины. В таком городе обязательно должны жить и творить уникальные писатели и поэты!

– Конечно, понимал. Ещё раньше меня в Ульяновск переехали Людмила Бурлакова, Валерий Гордеев, Николай Бондаренко. Печально, что Людмила и Валерий так рано ушли от нас... А Николай женился на ленинградке, переехал, он и поныне издает детские книги. Талантливые и неординарные личности, они внесли свежую струю в творческую деятельность ульяновской писательской организации, очень плодотворно поработали с литературной молодёжью. С Людмилы Алексеевны, по сути, и начинался всем известный альманах «Карамзинский сад».

А у меня как раз сын женился, родилась внучка... Безалаберная молодёжь целый день с гитарой, телевизором и застольем, а я превратилась в рабыню – пеленки, уборка. Какое уж тут творчество?! Я даже хотела квартиру отдельную искать. К тому же Ташкент постоянно трясло, я стала жутко бояться землетрясений. А тут как раз пришло это приглашение. Так что переезд в Ульяновск дался мне довольно легко. Произошло это в 1986-м году.

– С той поры много воды утекло, произошло драматических событий в жизни страны и нашего города.

– После 1991-го вместе с великой страной, по сути, умерла её многонациональная писательская организация.

Все льготы перестали существовать, и, если писатель сегодня хочет напечататься, он должен платить свои деньги. Или «прогибаться» перед властью имущими, или просто богатыми людьми, искать спонсоров. В литературу, в том числе при посредстве интернета, хлынули бездарности, графоманы. Но больше всего меня тревожит, что литературу заполонила безнравственность, бездуховность.

Конечно, хорошо, что в Ульяновске есть свой литературный журнал «Симбирск», который поддерживает губернатор Сергей Иванович Морозов.

Однако с газетных полос, за редким исключением, исчезли «Литературные полосы». Меценаты и спонсоры в Ульяновске отвернулись от литературы. Я за последние пять лет выпустила семь книг. И все за свои средства... Другого пути быть напечатанной для себя просто не нашла.

Да о чём говорить, когда у Ульяновского регионального отделения Союза писателей России нет даже своего помещения! А ведь можно было бы выделить хотя бы комнату во Дворце книги, где проводиться немало литературных мероприятий. А что мешает предусмотреть средства для регулярного выпуска книг местных писателей и поэтов, как это практикуется почти во всех писательских Союзах России хотя бы двум-трём позициям? Невеликие расходы, на мой взгляд, для «самого читающего региона России».

– Лидолия Константиновна, я во многом с вами согласен. Мы можем говорить обо всём этом очень долго. Однако нельзя объять необъятного. И всё-таки я не могу оставить без внимания вопрос о Борисе Васильевиче Аржанцеве, с которым я дружил и публиковал его заметки ещё в газете «Волжский стоитель».

– Судьба подарила мне встречу с удивительным человеком – Борисом Васильевичем Аржанцевым – в 1992 году.

Мы познакомились на Гончаровском празднике, на котором присутствовали японские профессора. Я, конечно, знала, что Аржанцев известный краевед, поэтому попросила его передать японцам мои книги. Потом я пригласила Бориса Васильевича пообедать, а он меня – на какое-то краеведческое собрание... И как-то так получилось, что Аржанцев довольно скоро переехал ко мне в однокомнатную квартиру со всеми своими чемоданами с рукописями и историческими книгами... Вскоре мы поженились.

Мы прожили с Борисом Васильевичем до его смерти около шестнадцати лет, относились друг к другу с большим уважением. У Бориса оказался непростой характер, он был человеком принципиальным, упрямым, с ним трудно было спорить, легче подчиниться. Супруг был мной освобожден от бытовой суеты, пользовался всеми правами свободного и независимого творческого человека. А я, в общем-то, по духу «восточная женщина», старалась совмещать свою писательскую деятельность с сохранением домашнего очага.

После объединения наших однокомнатных квартир и судеб, жизнь наполнилась новым смыслом, творческими поисками, созданием уникальных исследований и книг об истории архитектуры Симбирска, о родословных симбирских городов и населенных пунктов.

– Вы знаете, Лидолия Константиновна, когда бывший главный инженер Главульяновскстроя, заслуженный строитель России, лауреат Государственной премии Геннадий Васильевич Анциферов писал свою фундаментальную книгу «Строители на просторах Симбирского-Ульяновского края», которую я редактировал, он пользовался материалами вашего мужа. Конечно же, со ссылкой на первоисточник.

– Правда? Мне это очень отраднo слышать.

Борис Аржанцев был Почётным гражданином Ульяновска, Почётным профессором УлГУ, где успешно преподавал на кафедре культурологии. Его любила молодёжь, потому что он являлся истинным генератором идей, многие из которых его ученики уже воплотили в жизнь.

В 2007 году Борис умер от рака.

Для увековечивания памяти о муже я сразу же после его смерти принялась за написание «Семейной хроники», отразившей самый плодотворный и самый трагический этап в жизни Бориса Аржанцева – последнее десятилетие его жизни. Мне удалось собрать немало воспоминаний современников о нём, поместить в книгу много фотографий, рисунков, а также высказываний этой неординарной личности.

Борис Васильевич Аржанцев и Лидолия Константиновна Никитина

Фонд, носящий имя Бориса Аржанцева, возглавляемый его другом и подвижником Виктором Ивановичем Сахаровым, заплатив 200 тысяч рублей только за типографские услуги, выпустил этот уникальный сборник, который я назвала «ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ ПАМЯТИ».

Болезнь и смерть супруга подорвали мое здоровье. Спустя два года после кончины мужа со мной случился инсульт. Парализовало левую половину тела. Два года училась заново ходить и хоть что-то делать парализованной левой рукой, так как оказалась совершенно одна. Но болезнь не лишила меня интереса к жизни и собственному творчеству. За последовавшие после инсульта годы на средства, взятые в долг, в кредит, полученные от продажи ценных вещей, выпустила несколько новых книг. Это и стихи о любви – «РОДИЛАСЬ НА ЗЕМЛЕ ДЕВОЧКА», и сборник современных мистических новелл «КОГДА ПАДАЛА ЗВЕЗДА», и «ЦЕНА БУДУЩЕГО» о Великой Отечественной войне.

А в 2013 году увидели свет современные сказки и миниатюры о любви «ВЕРШИНА И БУТОРОК», годом позже выпустила милую книжечку стихов для женщин моего поколения: «ЦВЕТЫ НАЧАЛА ЛИСТОПАДА». Прошлый год был отмечен еще одной книгой рассказов для молодежи – «ПОЗНАВАЯ ЖИЗНЬ».

– А как складывалась ваша последняя книга «Спелых яблок дождь золотой»? О чём она?

– Если коротко – о времени и о себе.

В 1985 году в Ташкентском издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма была выпущена третья книга моих миниатюр под названием «ЗЕЛЕННЫЕ ЯБЛОКИ». Уже тогда у меня зародилась весьма тщеславная мечта – завершить по прошествии отпущенных мне Богом лет работу в жанре миниатюр особо значимой для меня, писателя, книгой. В неё я намеревалась включить самые лучшие, на мой взгляд, миниатюры, которые удастся к этому времени создать. Тогда-то и было придумано название – «СПЕЛЫХ ЯБЛОК ДОЖДЬ ЗОЛОТОЙ».

Я всю жизнь писала новеллы, сказки, эссе и даже стихи. Но любимым жанром всегда оставалась миниатюра. Этот жанр – очень трудный, в чём-то похожий на японскую поэзию, отрешённый от суетного и сиюминутного, своего рода квинтэссенция моих раздумий о сути бытия на земле.

Не я выбрала миниатюру, скорее миниатюры сами выбрали меня. Но я ещё, так мне сейчас кажется, собрала не все плоды из своего осеннего сада...

– Успехов вам, Лидолия Константиновна, здоровья, творческих дерзаний, внимания преданных друзей и читателей! Ведь без читателей нет писателя, нет самой литературы.